

Н.М. Тобольцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В ПЕЧАТИ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИКТАТА ВКП(б) (1946—1951 гг.)

В работе впервые предпринимается попытка выявить объективные и субъективные факторы усиления идеологического диктата партии в послевоенный период. Особое внимание уделяется пропагандистской кампании в печати вокруг постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», имевшей масштабный, по сути системный характер и затронувшей большинство разных по типу изданий.

Ключевые слова: идеология, диктатура, космополитизм, национализм.

In this paper author for the first time attempts to reveal objective and subjective factors of strengthening of ideological dictatorship of the Communist Party (VKP) during the post-war period. The special attention is given to propaganda campaign in the soviet press after VKP Central Committee decision “About magazines Zvezda and Leningrad” (August, 1946). This campaign had large-scale, systemic character and concerned the majority of the printed media.

Key words: ideology, dictatorship, cosmopolitanism, nationalism.

В последнее время проявилась как устойчивая парадоксальная для нашего демократически ориентированного общества тенденция: резко возрос интерес к личности Сталина. Ранее проблема сталинизма не занимала столько места в общественном сознании. Сейчас его имя не сходит с газетных страниц. Телезрителями оно было признано одним из наиболее значимых «имен России». Как историческая фигура Сталин выдвигался на первый план в ходе политических дискуссий и научных споров о современных путях развития нашей страны.

Социологические опросы свидетельствуют о проявлении про-сталинских предпочтений среди значительной части населения, что, безусловно, связано с неудовлетворенностью условиями реальной действительности. Проявление сталиномании среди молодежи также может характеризовать состояние исторического знания, позволяет говорить о недостаточном осмыслении истории страны в силу неосведомленности в исторических фактов.

Возникший перекос в массовом сознании настолько опасен с точки зрения его влияния на отношение людей к происходящему в стране сегодня, что Русская православная церковь обратилась

к россиянам с советом «не строить идеалистических картин эпохи сталинизма»¹.

Со всей определенностью можно сказать, проявляющийся менталитет народа сложился не только из-за разочарования в методах реализации «перестроечных» идей, но и под влиянием и по вине тех писателей, журналистов, политиков, кто с экрана телевизора и страниц газет горячо выступал против очернительства прежнего строя, обличая в этом СМИ. Вновь проявилась серьезная тенденция: при разоблачении сталинизма ставятся прочные рамки возможной «исторической правды». Еще на заре «перестройки» о ее опасности предупреждал один из выдающихся публицистов — Ю.Ф. Карякин в статье «Ждановская жидкость», или Против очернительства», ставшей событием в общественной жизни. «Правда не может быть очернительством, — писал он, — правда может быть только очищением... Сталинщина, не выкорчеванная до конца..., может породить нечто несравненно худшее»².

Безусловно, в потоке публикаций, появившихся с началом процесса ресталинизации, можно выделить некоторую часть таких, где «страстный пафос обличения» заменил их аналитичность, выстроенную в соответствии с выверенными и обобщенными историческими фактами. Но борьба против «очернительства» (хотя само понятие по определению предполагает намеренное использование фактов не соответствующих действительности) ведется и сейчас. Гневно обличаются те, кто свои исследования на исторические темы проводят на строго документальной основе и представляют их на суд читателей и зрителей. Возросший интерес и проявление симпатии к диктатору Сталину в значительной степени пропагандистский эффект, достигнутый на сложившемся негативном фоне неудовлетворенности современными жизненными реалиями и возникшем на этой основе ностальгическом «мираже».

В этом целенаправленном потоке становится менее заметными, а иногда воспринимаются аудиторией как явно негативные, исследования, публикации, телевизионные сюжеты, связанные с попытками более глубокого осмысления процесса десталинизации в периоды «оттепели» и «перестройки».

Представляется, что именно такие исследования становятся крайне актуальными. Они в значительной степени могут способствовать выявлению и популяризации новых фактов, подтверждающих порочность сталинского режима, исключающего возможности свободного проявления личности.

¹ Цит. по: *Костиков В.В.* Кто пьет за здоровье тов. Сталина? // Аргументы и факты. 2009. № 5.

² *Карякин Ю. Ф.* «Ждановская жидкость», или Против очернительства // Огонек. 1988. № 19. С. 25—27.

Процесс десталинизации необходимо рассматривать эволюционно на уровне взаимосвязанных временных пластов: послевоенные годы усиления идеологического диктата партии в условиях «холодной войны», сформировавшими предпосылки «оттепели» в среде интеллигенции; непосредственно «оттепель» с отчетливо выраженными проявлениями политического и творческого самовыражения; «перестройка» с ее мощной волной крушения прежней политико-идеологической доктрины.

Такой подход дает возможность ответить на ряд вопросов, в том числе на главный для истории журналистики: какова роль СМИ в активизации этих процессов?

Рассматривая СМИ как эволюционирующую систему, можно проследить как даже в условиях тоталитарного режима, при диктатуре одной личности, одной партии, единой идеологии она трансформировалась, аккумулируя в себе опыт даже незначительного движения к демократии.

В этой связи также возникает необходимость глубже изучить общественные процессы, характерные для предыдущего, послевоенного времени, когда вновь властью стали применяться меры ужесточения политического режима в духе 30-х гг.

В восстановительный период, отражая все негативные проявления сталинской идеологии: поиск врагов, борьбу с инакомыслием, репрессии, журналистика, вызывая возмущение прогрессивно мыслящей части общества, консолидировала протестные силы и создавала первоначальные основы для дальнейшего пути преодоления советского тоталитаризма.

Обращение к истории разгромного вторжения власти во все сферы литературного и художественного творчества может способствовать воссозданию фрагмента истории отечественной журналистики, использовавшейся в качестве инструмента реализации принимавшихся партийных решений, в частности, Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», ставшего политической приметой того периода.

В отечественной историографии обстоятельно прослеживаются этапы подготовки этого документа и подробно описываются эпизоды его принятия³.

³ См.: *Бабиченко Д.Л.* И. Сталин: «Доберемся до всех» (Как готовили военную идеологическую кампанию 1943—1946 гг.) // Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры. М., 1995. С. 139—188; *Сарнов Б., Чуковская Е.* Случай Зошенко: повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946—1958 гг. // Юность. 1988. № 8. С. 69—86; *Ильина И.* Припугнуть, чтоб другим неповадно было: история одного постановления // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 174—186; и др.

Но пока в научной литературе не нашел научного осмысления опыт печати тех лет, ориентированной властью на осуществление кампании, направленной на усиление идеологической диктатуры.

Документ, принятый и опубликованный в августе 1946 г., в наибольшей степени отразил стремление высшей политической власти установить жесткий идеологический диктат во всех сферах жизни общества.

Его принятие ознаменовало начало масштабной имевшей многослойный характер акции борьбы с инакомыслием, нанесшей сокрушительный удар по творческой интеллигенции и подвергнувшей деформации значительный пласт российской многонациональной культуры.

Для журналистики постановление партии имело программное значение. Проведение пропагандистской кампании, носившей системный характер, возлагалось на печать.

Главная роль в ее осуществлении отводилась центральному органу партии — газете «Правда», в задачи которой входили руководство и координация действий всех типов печатной пропаганды.

Постановление было принято 14 августа, а 21 августа в «Правде» появилась публикация «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», где излагались основные пункты постановления.

Начинается с ключевого положения документа: «ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы “Звезда” и “Ленинград” ведутся совершенно неудовлетворительно». Это проявилось в появлении в них «безыдейных, идеологически вредных» произведений. Далее речь шла о публикациях М. Зощенко и А. Ахматовой. Обвинялась в этом редакция «Звезды», которой было «известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание»⁴. Его рассказ «Приключения обезьяны» назван «пасквилем на советских людей», содержащим антисоветские выпады и «хулиганское» изображение действительности. А сам автор — «пошляком и подонком литературы», проявившим недостойное поведение в период войны, написав повесть «Перед восходом солнца».

Далее в материале следуют «поиски виновных» в создавшейся ситуации. Это прежде всего редакторы — Саянов и Лихарев, забывшие, что «проповедь аполитичности, безыдейности и “искусства для искусства” чужда советской литературе, вредна и не должна иметь место». Используя сложившиеся отношения с авторами,

⁴ Правда. 1946. 21 авг.

они недостаточно критично подходили к оценке их произведений, и те «утратили сознание ответственности перед партией». Редакции «допустили серьезные ошибки, не справились с возложенной ответственностью»⁵.

Не менее уничижительные оценки давались творчеству А. Ахматовой; «литературная общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности... Стихи ее пропитаны духом пессимизма и упадничества...»⁶.

При этом делается очень важный с точки зрения стратегической цели кампании вывод: под влиянием Зощенко и Ахматовой молодые авторы стали сочинять произведения «культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада». Приводились примеры.

Учитывая все это, говорится в конце публикации, ЦК ВКП(б) постановляет «обязать редакцию журнала “Звезда” устранить ошибки: исправить линию журнала, обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ Ахматовой, Зощенко и им подобным», а также прекратить выпуск журнала «Ленинград», сосредоточив литературные силы вокруг журнала «Звезда», и назначить нового главного редактора — А.М. Еголина. При этом сохранялась его должность заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б).

Как в дальнейшем развивалась кампания важно проследить по последующим материалам газеты «Правда», учитывая ее статус центрального органа партии, определявшего основное направление деятельности партийных комитетов в аспекте ведения соответствующей пропагандистской работы среди коммунистов с четкими указаниями и практическими рекомендациями. Также в соответствии с типом издания «Правда» использовалась ЦК партии в целях руководства и координации деятельности по проведению акции всеми изданиями. Соответствующие этому оценки давались в обзорах печати и отдельных постановочных статьях, ориентировавших читателей в политическом процессе.

Появившаяся в «Правде» 22 августа 1946г. «Резолюция собрания актива ленинградской партийной организации по докладу т. Жданова о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» в некоторой степени раскрывает изначальный замысел проведения кампании, связанной и с возникшим противостоянием внутри высшего партийного руководства, а также и стремлением московской группировки таким образом положить начало активным действиям по дискредитации ленинградцев.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

В статье «Правды» было также сказано, что горком упустил и просмотрел ошибки, а отдел пропаганды «предал забвению указания Ленина и Сталина о том, что печать является важнейшим партийным и государственным делом».

Недостатки, говорилось в статье, проявлялись в таких изданиях, как «Ленинградская правда» и «Вечерний Ленинград», журнал «Смена». Статья призывала писателей к «улучшению своей работы, к изучению марксизма-ленинизма и повышению своей идейности». В подверстку был помещен отчет о собрании писателей Ленинграда, поддержавших основные положения доклада Жданова. Красноречивы заголовки передовых статей «Правды», следовавших за отчетом о собрании московских писателей: «Благородные задачи советской литературы», «Воспитывать молодежь в духе большевистской идейности».

Все эти материалы, помещенные на страницах газеты еще до опубликования доклада Жданова, в совокупности давали установку на формирование соответствующего целям акции общественного мнения. Только после этого доклад А. Жданова появляется в «Правде».

Его можно рассматривать в качестве официального партийного документа, декларировавшего основные принципы политики партии в сфере литературы и журналистики в годы «холодной войны». Выступлению отводится две полосы. Текст сопровождается ремарками: «бурные аплодисменты», «одобрительный смех в зале», как бы вводящими читателя в сложившуюся на ленинградском собрании атмосферу единодушного одобрения.

В докладе вновь звучат уничижительные слова в отношении Ахматовой и Зощенко.

Выбор основных персоналий постановления объясняется просто: Сталин с подачи Жданова «назначил» Ахматову и Зощенко, известность и популярность которых не подлежали сомнению, антигероями времени в назидание менее известным представителям интеллигенции с целью тех «приструнить».

Еще в апреле 1946 г. с огромным успехом прошло выступление в группе ленинградских писателей Анны Ахматовой в Колонном зале Дома союзов, продемонстрировавшее ее популярность и возможность влияния на значительно большую аудиторию, нежели узкий круг «эстетствующих почитателей», как о ней говорилось. Это, безусловно, не могло понравиться власти.

Персона Зощенко стала одиозной с опубликованием его повести «Перед восходом солнца», содержащей глубокие философские размышления, затрагивающей проблемы сознания, жизни и смерти.

В главе, посвященной Зощенко, книги Б. Сарнова «Сталин и писатели» очень подробно и обстоятельно на основе архивных до-

кументов говорится о формах общественного остракизма, использованных через печать в отношении Зошенко и методах психологического воздействия на него со стороны представителей МГБ еще в период войны. Этого касается и исследователь Д. Бабиченко⁷.

Казалось бы, в противоречие с этими действиями писатель попал в список литераторов, награжденных в апреле 1946 г. медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». «Усматривая в художественной интеллигенции чуть ли не главного потенциального противника режима» [Громов, 1998, с. 370], Сталин имитирует «добрый жест», пытаясь внедрить мысль об ослаблении идеологического давления.

В 1945 г. в «Известиях» публикуется несколько работ Зошенко; в 1946 г. в библиотеке журнала «Огонек» с разрешения Сталина выходит сборник рассказов; К. Симонов публикует «Партизанские рассказы» в «Новом мире», но писатель остается под прицелом власти.

Несомненно, справедливо высказывание А. Синявского: с повести «Перед восходом солнца» «началась цепь роковых несчастий», увенчавшихся постановлением ЦК партии, и убивших Зошенко⁸. Как говорил сам Зошенко в письме к Сталину: «Это — антифашистская книга. Она написана в защиту разума и его прав... Она может быть нужна и советской науке» [Сарнов, 2008, с. 256].

В какой-то степени эти слова нашли подтверждение сегодня. Известный физиолог Н. Бехтерева в интервью каналу «Культура» сказала, что для себя как ученого она много ценного обнаружила в этом произведении.

О масштабности, широком охвате, тотальном массированном характере кампании, связанной с постановлением о журналах, обусловленном самой природой тоталитаризма, свидетельствуют дальнейшие материалы «Правды». Сверхзадачей акции стало дальнейшее усиление догматизации пропаганды в соответствии с господствовавшей тоталитарной идеологией и возвращение в прежнее, строго очерченное русло, творческой инициативы при ее реализации в произведениях литературы и публицистики.

Это достигалось прежде всего путем закрепления стереотипа славословия, что «воинский и организаторский гений» Сталина «принес победу над фашистской Германией»⁹, а также реализации очередного этапа процесса сакрализации власти, основанного на демонстрации ее способности осуществления полного контроля над всеми сферами жизни общества в пределах всего Союза.

⁷ См.: Бабиченко Д.. Повесть приказано ругать // Коммунист. 1990. № 13. С. 68.

⁸ См.: Синявский А. Мифы Михаила Зошенко // Вопросы литературы. 1989. № 2.

⁹ Правда. 1959. 21 дек.

Поэтому среди первых стала объектом пристального внимания политического руководства страны журнальная периодика союзных республик. И в первую очередь подверглись рассмотрению журналы Украины. 24 августа 1946 г. в «Правде» под рубрикой «Обзор печати» в материале «О пошлых писаниях одного журнала» подвергся остракизму украинский сатирический журнал «Перець». Был вынесен вердикт: в журнале здоровый народный юмор заменен злорадством и пошлостью.

Схожесть этих формулировок с определениями, содержащимися в партийном документе в отношении Зощенко, служит как бы доказательством типичности недостатков, характерных для сатирических журналов в целом по Союзу, т.е. явления распространенного.

Еще более серьезные обвинения были выдвинуты в адрес редакций украинских журналов в ходе политической кампании, развернутой сразу, в начале сентября, и направленной на борьбу с проявлениями национализма в литературе. Это наступательная акция несколько обделена вниманием историков по сравнению с безусловно принявшим более широкий размах и ожесточенные формы «космополитизмом».

Но сталинское руководство рассматривало их равнозначными. Это вывод подтверждается словами А. Фадеева, отражавшими официальную точку зрения и произнесенными им на II Всесоюзном съезде советских писателей, состоявшемся после смерти Сталина в декабре 1954 г.: «Необходимо, чтобы все мы помнили, что борьба с проявлениями национализма и космополитизма и обывательщиной, безыдейностью, упадничеством, которую мы вели на протяжении ряда лет, была справедливой борьбой, и если бы мы не проводили ее со всей решительностью, наши идейные противники могли бы принести большой вред развитию советской литературы. Эти представители чуждой нам идеологии понесли большой урон, но наивно было бы думать, будто эта идеология перестала существовать»¹⁰.

В кампании, проходившей в сентябре 1946 г. под знаком борьбы с рецидивами национализма в печати как проявлениями чуждой буржуазной идеологии, подрывающими идейно политическую сплоченность многонациональной советской журналистики, периодика Украины стала как и литература, по мнению власти, плацдармом «узкого, ограниченного украинского национализма, враждебного политике нашей партии и интересам украинского и всего советского народа» [Новейшая история..., 1999, с. 261].

Важнейшим фактором, обусловившем необходимость безотлагательного проведения политико-идеологических установок со-

¹⁰ Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1956.

ветского руководства в отношении печати Украины, стала общественной напряженностью, сложившаяся в результате недовольства тяжелым экономическим положением, усугубленным засухой 1946 г. «Первые симптомы негативных настроений проявились уже в ходе выборов в Верховный Совет СССР в начале 1946 г., которые... в районах Западной Украины были фактически бойкотированы» [Кулешов, Волобуев, 1991, с. 435]. Требовалось усилить воздействие на формирование общественного мнения средствами пропаганды.

2 сентября 1946 г. в «Правде» опубликован материал под заголовком: «Общегородское собрание писателей Киева». Лейтмотив всех выступлений — в творчестве украинских писателей ярко проявляются националистические тенденции: преуменьшается роль СССР и преувеличиваются республиканские достижения. Тон собранию был задан докладом секретаря ЦК ВКП(б) Украины о серьезных недостатках идеологической работы в республике. Основная вина, по мнению докладчика, лежала на писательской общественности, снисходительно относившейся к злостным политическим ошибкам своих коллег.

Единодушному осуждению писательским сообществом подверглись редакции печатных органов, публиковавшие произведения, для которых характерны «национальная ограниченность», «патриархальная самобытность», восхваление дореволюционной истории Украины.

Резкие высказывания прозвучали в адрес издания «Радяньска Украина», помещавшего на своих страницах фельетоны Остапа Вишни, отличавшиеся обывательским зубоскальством, бездейностью, которые «искажают советскую действительность, вызывая законное возмущение читателей»¹¹.

Центральный орган партии — газета «Правда» — доводила до сведения коммунистов, что на писательском собрании журналы «Ветчизна» и «Днипро» обвинялись в серьезных политических ошибках за публикацию произведений, «чуждых советской идеологии».

Высокая директивная оценка значимости, действенности проведенного мероприятия давалась в той части публикации, где сообщалось, что многие из критикуемых признали свои ошибки. Исключение составили единицы: например, В. Черниченко, воспринявшая слова коллег «обывательски». Заключительная часть отчета имела принципиально важное значение: «Писатели Советской Украины приложат все усилия, чтобы в кратчайший срок преодолеть все имеющиеся серьезные недостатки и поднять украинскую литературу на уровень высоких требований, поставленных перед ними партией, народом»¹².

¹¹ Правда. 1946. 2 сент.

¹² Там же.

В русле кампании, осуществляя партийный контроль, «Правда» отслеживала, в какой степени взятые под прицел критики издания учли высказанные замечания в своей дальнейшей деятельности.

13 сентября 1946 г. в материале под рубрикой «По следам материалов “Правды” вновь в фокусе внимания журнал “Перец”». Сообщается, что после статьи в газете «О пошлых писаниях одного журнала» от 24 августа редакционный коллектив журнала признал критику справедливой и осознал серьезность допущенных ошибок: «Редакция обязуется в самый короткий срок перестроить свою работу и превратить журнал сатиры и юмора “Перец” в идейно насыщенный острый журнал, помогающий нашему народу успешнее осуществлять поставленные партией задачи»¹³.

Продолжением кампании борьбы с проявлениями национализма в республиканской литературе стали материалы, анализирующие творчество казахских писателей.

Наиболее характерной в этом смысле публикацией представляется статья в «Правде» от 30 сентября 1946 г. П. Кузнецова «В атмосфере безыдейности и благодушия». В ней не затрагиваются проблемы периодики, но она представляет особый интерес для исследования, так как текст позволяет убедиться: антинационалистическая акция, так же как и борьба с «космополитизмом», осуществлялась в единой политической парадигме постановления партии о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Объектом критики стал казахский писатель Габиден Мустафин за роман «Чаганак», обвиняемый в извращении советской действительности. На взгляд автора публикации, также при этом просматривается пронационалистический контекст: в романе казахи проявляют незаурядные природные положительные качества, а русские партийные работники на этом фоне выглядят глупыми и безынициативными.

В этих утверждениях звучат отголоски обвинений в отношении М. Зощенко, что и подтверждается в заключении статьи. Считая подобные проявления очень опасными в идеологическом аспекте, Кузнецов объясняет их влиянием на казахов, в частности на Габидена Мустафина, М. Зощенко, жившего в период войны в Алма-Ате и часто выступавшего перед многочисленными аудиториями.

Динамика идеологической кампании в русле принятого программного постановления прослеживается в ряде материалов «Правды», свидетельствующих о неотступном контроле, осуществляемом «сверху» за степенью реализации положений документа в дальнейшей практике журналов в целом и в их отдельных публикациях. Особое внимание уделяется детским журналам.

¹³ Правда. 1946. 2 сент.

Уже в конце августа 1946 г. в газете под рубрикой «Критика и библиография» появилась статья С. Крушинского «Серьезные недостатки детских журналов»¹⁴. Поводом для этого стал тот факт, что еще до появления в «Звезде» рассказа М. Зощенко «Приключения обезьяны» он был опубликован в детском журнале «Мурзилка». Это привлекло внимание высшего руководства к деятельности этого издания и вызвало ужесточение требований, предъявляемых ко всей детской литературе.

Даже при создании произведений для маленьких детей закладывался идеологический подход: литература не должна отрываться от социалистической действительности и своими средствами должна способствовать утверждению социалистических идеалов в сознании детей с раннего детства.

В центре внимания Крушинского — детские журналы «Мурзилка» и «Пионер». Предметом резкой критики стало произведение К. Чуковского «Бибигон». Почему критик прежде всего остановился на этом авторе? Чуковский был очень близок с Зощенко еще с времен Серапионовых братьев. Представления об этом дают воспоминания, запечатленные в «Голубой книге». Кроме того, к детскому писателю, как уже говорилось, «проявляли интерес» секретные службы, что тоже могло повлиять на выбор.

Статья написана строго в контексте постановления. Сохранена стилистика, характерная для документа, в сочетании с резкой обличительностью задающая определенную тональность, что прослеживается в самом начале публикации. «Сказки — явление нормальное, — пишет автор, — но нельзя же допускать, чтобы под видом сказок публиковали явный бред». Такой приговор выносится уж в первых строках. Затем автор как бы пытается доказать небезосновательность этого заключения. Скрупулезно препарирруя текст, он обличает сказочного персонажа Бибигона в трусости, глупости, вранье, пытаясь на примерах показать, как неправ Чуковский, призывая советских детей любить этого морально-нравственного уродя.

Возмущение Крушинского вызвала также публикация А. Ивича «Про мячи и калоши». Познавательный очерк, доступно рассказывающий юным читателям о широком использовании резины в современной жизни. Автор обращается к детям с предложением написать сказку, где по воле волшебника исчезла резина. Используется прием, способный, по мнению автора, через пробуждение фантазии помочь детям понять, какое место занимает резина в современном мире и повседневной жизни. Крушинский считал эту идею опасной, способной вызвать страх у детей: «...редак-

¹⁴ Правда. 1946. 24 авг.

ция желает, чтобы маленькие читатели описывали, как захлебывается водолаз, вспыхивают пожары, сталкиваются автомобили?» Экспликация текстов также дается в «ключе» постановления. Автор старается подвести читателя к мысли о том, как пагубно проявилось влияние Зощенко на детскую литературу в целом. Это фиксирует прямая ссылка на ставший притчей во языцех рассказ писателя «Приключения обезьяны», названный «верхом политической слепоты и литературной безвкусицы».

При анализе деятельности журнала «Пионер» вновь рассматривалось творчество К. Чуковского, опубликовавшего повесть «Серебряный остров». Ее форму западного детективного романа критик признал идеологически не выдержанной. Обнаружена также крамола в юмористическом рассказе В. Матова «В тайге», как считает автор, опошляющем серьезную тему (так считает автор). Общий вывод — в журналах «Мурзилка» и «Пионер» отсутствует воспитательный педагогический план. Выбор персоналий неслучаен. Очевидны претензии не к произведениям, а к определенным личностям. Реализация основной цели сталинской акции — восстановить прежние идеологические устои и полностью исключить любые проявления «вольномудства» — предполагала в ходе пропагандистской кампании расширить круг лиц, обвиняемых в отступлении от основополагающих принципов советской литературы с тем, чтобы «приструнить» всех, кто воспринял партийные решения крайне негативно.

А таких было много. Представление об этом можно составить, ознакомившись с высказываниями К. Симонова: «У некоторых нетвердых в марксизме и в идейности такие настроения проявились. И в Ленинграде и в Москве мы встречались с такими фактами. Люди не поняли того, что говорилось в 1946 г.»¹⁵.

Другая его фраза отчетливо свидетельствует о его собственных убеждениях в необходимости принятых высшим политическим руководством решений. Он сказал: «...в каких-то писательских литературских головах бродило неправильное представление по поводу отношения к решению партии по идеологическим вопросам, принятому в 1946...»

Симонов произнес это в 1954 г., т.е. через год после смерти Сталина на заседании общего собрания Ленинградского отделения ССП СССР, ставшего еще одним позорным судилищем. Поводом стала встреча А. Ахматовой и М. Зощенко с английскими студентами [Сарнов, 2008, с. 405]. На вопрос о его отношении к критике в докладе Жданова писатель ответил, что он с ней не согласен. Его

¹⁵ Культура и власть от Сталина до Горбачева. Аппарат ЦК и культура. 1953—1957. Документы. М., 2001 С. 241—243.

ответ вызвал широкий резонанс. Послушная писательская среда также подвергла его остракизму.

Под призмой принятого постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» рассматривались также учебники, рассчитанные на подростков.

В октябре 1946 г. в «Правде» под рубрикой «Критика и библиография» появилась статья «Серьезные пороки учебника советской литературы», где подвергался серьезной критике учебник проф. Л. Тимофеева. К. Потапов обвинял автора в грубейших политических ошибках: обойдены вниманием такие поэты, как М. Исаковский, М. Рыльский, М. Бажан, Я. Колас. Но самым серьезным проявлением политической близорукости автора учебника, говорилось в статье, стало возведение в ранг «виднейших и талантливейших» мастеров слова М. Зощенко и А. Ахматовой.

К недостаткам учебника также отнесено отсутствие в нем национальной литературы: Азербайджана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Молдавии, Карело-Финской ССР, а также прибалтийских республик.

Среди публикуемых официальных материалов и передовиц «Правда» практикует выступления как бы «коллег по журналистскому цеху», тем самым имитируя полемику между отдельными изданиями на страницах центрального органа партии, но выбор персоналий также тенденциозен.

В этом плане показателен материал В. Ермилова (одного из «обоймы» ответственных идеологических работников аппарата ЦК, на тот момент редактора «Литературной газеты»), опубликованный 24 октября 1946 г. в рубрике «Критика и библиография» под заголовком «О ложности понимания традиций». Критике подверглась статья А. Лежнева «Шолохов и традиции» в журнале «Новый мир». Автор обвинялся в подмене ценностей. Ермилов находит идеологический «перекос», стирание граней между старой и новой Россией в уравнивании таких несоизмеримых по значимости ценностей, как построенный в советское время тракторный завод в Харькове и памятник архитектуры — Печерская лавра в Киеве, последний, разумеется, как незначительный, относящийся к церковным реликвиям.

Итоги проведенной с августа 1946 по февраль 1947 г. идеологической работы партии нашли отражение в выступлении А. Фадеева «О литературно-художественных журналах», опубликованном в «Правде» 2 февраля 1947 г. Отмечалось улучшение в ведении журнала «Звезда», опубликовавшего такие произведения, как «Повесть о моем сыне» Е. Кошевой, «Старых гор подаренье» П. Бажова, «Ветер с юга» Эльмара Грина.

По мнению секретаря ССП, выразившего официальную точку зрения, редакция с должной ответственностью подошла к решению задач перестройки своей деятельности, подвергнув должной критике Ахматову и Зощенко. К заслугам издания автор отнес регулярную публикацию статей, «поясняющих и развивающих линию партии», а также развитие критико-библиографического отдела в направлении, соответствующем идеологическому курсу партии.

В статье-отчете А. Фадеева отводилось большое место анализу хода реализации постановления журналами в целом.

Положительными сдвигами характеризовалась деятельность журналов: «Октябрь» напечатал «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого; «Новый мир» — очерк Б. Гашина «В Донбассе»; «Знамя» опубликовало доработанный вариант повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» и произведения писателей братских республик. Но наряду с появлением на страницах журналов таких идейных и полезных для народа произведений на их страницы, по мнению автора, проникают и другие. «Новый мир» напечатал лживый и грязноватый «рассказец» А. Платонова «Семья Иванова». «В наших журналах еще немало рутины и еще недостаточно вложено в них вдохновенного большевистского труда»¹⁶ — таков окончательный вывод автора.

Постановление ЦК партии 1946 г. определило стратегический курс в сфере литературы и отражения ее развития в журнальной периодике. Регулярно в каждой публикации «Правды», посвященной появлению на страницах какого-то журнала нового литературного произведения, давалась соответствующая оценка строго с позиций документа, чаще всего с прямой ссылкой на определенные его положения.

Принятое постановление имело программный характер и было рассчитано на длительную перспективу. В соответствии с ним не только выравнивалась генеральная линия развития издания, но и периодически ему придавался определенный «крен» на своевременное устранение новых проявляющихся опасных, с точки зрения власти, тенденций. Наиболее убедительно об этом свидетельствует опубликованная в «Правде» через несколько лет после принятия постановления, 2 июня 1951 г., статья «Против идеологических извращений в литературе», подтверждавшая, что документ продолжал оставаться эталоном при определении критериев деятельности изданий. В поле зрения вновь попадает журнал «Звезда» как издание, постоянно находящееся под пристальным вниманием партийного руководства в качестве наиболее одиозного.

Поводом, по мнению газеты, послужил опрометчивый шаг редакции, опубликовавшей стихотворение украинского поэта В. Со-

¹⁶ Правда. 1947. 2 февр.

сюры «Люби Украину». Суть статьи: сигнал-предупреждение о проникновении национализма на страницы центральных журналов и установка для критиков на усиление требовательности и повышения политической бдительности при отборе материалов для публикации.

Гиперболизация проявлений националистических тенденций в литературе и журналистике была вызвана необходимостью усиления внимания общества к этому явлению и активизации деятелей идеологической сферы на борьбу с «опасным внутренним врагом».

Упомянутая выше статья в «Правде» как бы закольцовывала проблемы, считавшиеся властью наиболее значимыми в проводимой политике: усиление борьбы журналистскими средствами с «космополитизмом» и национализмом путем повышения идейного уровня изданий. Борьба с космополитизмом в среде критиков, начавшаяся в 1946 г., достигла своего «пика» в 1949 г. с появлением статей в «Правде» «Против космополитизма в литературе»¹⁷ и полосной имеющей программный характер, «Об одной антипатриотической группе театральных критиков»¹⁸ ставшей позже одиозно известной. Она открыла поток публикаций, где представителям творческой интеллигенции в лице критиков предъявлялись обвинения в отсутствии патриотизма, проявлении низкопоклонства перед Западом, в злостных выпадах в адрес «лучших отечественных деятелей культуры», протаскивании в литературу безыдейности и формализма.

Массированное наступление на критиков—искусствоведов, можно считать, развернулось на страницах «Правды» с публикацией статьи «За советский патриотизм в искусстве»¹⁹ президента Академии художеств СССР А. Герасимова, где «пошлыми буржуазными эстетам» названы А. Эфрос, А. Ромм, О. Бескин, А. Аркин, Н. Пунин, И. Маца, Я. Пастернак и др.

Кампания развивалась динамично. В следующем номере газеты от 11 февраля помещен отчет о партийном собрании ССП СССР, обсуждавшем статью в «Правде» и осудившем критиков-формалистов И. Альтмана, Д. Данина, Л. Суботского.

16 февраля публикуется статья Н. Грибачева «Против космополитизма и формализма в поэзии», бичевавшая критика, посягнувшего на «сакральные» произведения, отмеченные Сталинской премией, и позволившего себе «превознести» те, которые «недостойны» этого.

25 февраля «Правда» предоставляет место для выражения якобы мнения общественности путем опубликования писем «рядовых» читателей, возмущенных критическими выступлениями

¹⁷ Правда. 1949. 11 янв.

¹⁸ Там же. 28 янв.

¹⁹ Там же. 10 февр.

Д. Данина и Е. Холодова под заголовком «Сомнительные выкрутасы работников “Литературной газеты”».

Отчет о собрании московских драматургов и критиков под заголовком «До конца разоблачить космополитов-антипатриотов» появляется в 2 номерах газеты от 26 и 27 февраля.

Показательной с точки зрения формирования массового сознания в духе официальной мифологизированной сталинской идеологии можно считать статью Ю. Павлова «Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции», опубликованную 7 апреля 1949 г.

Она содержала серьезное обвинение интеллигенции — отступнице от патриотических устоев социалистического общества. На разоблачении сущности космополитизма как проповеди мирового гражданства, отказа от принадлежности к определенной нации, отрицании традиции государственности выявлялась опасность подобных проявлений в обществе.

Масштабная, имевшая многослойный характер, акция борьбы с «безродными космополитами», затронувшая все области культуры, науку, была обусловлена сугубо субъективными факторами, связанными с идеологическими целями партии во внешней и внутренней политике в период «холодной войны». Поэтому она полностью охватила журналистику и сферу общественных и гуманитарных наук.

«Против космополитизма в философии» — под таким заголовком 2 марта 1949 г. вышел материал в «Литературной газете». В нем говорилось о двухдневном заседании Ученого совета Института философии Академии наук СССР, обсуждавшем «антимарксистские космополитические работы проф. Б. Кедрова», содержащие крупные ошибки, «идущие по линии буржуазного космополитизма».

Ученого обвиняли в неправильной интерпретации работ Ленина и неудачном их цитировании. В вину философу ставилась его «порочная» деятельность на посту главного редактора журнала «Вопросы философии», когда он якобы оказал существенную поддержку «морганистам-вейсманистам», печатая их статьи, и выступал «в защиту идеалистов-физиков, еще имеющих до сего времени среди наших ученых»²⁰.

Собрание единодушно осудило взгляды Кедрова. При этом было отмечено: в его книгах и статьях космополитизм в области философии нашел свое теоретическое обоснование и изложение. Получив широкое распространение, его труды нанесли серьезный ущерб делу воспитания молодого поколения «в духе марксизма-ленинизма».

²⁰ Литературная газета. 1949. 2 марта.

В условиях активного противостояния двух систем власть под флагом патриотизма наносила удар по инакомыслию среди интеллигенции, утратившей, на ее взгляд, принципы соцреализма и партийности и вставшей на путь формализма и «низкопоклонства» (термин, введенный в оборот ждановским докладом. — *Н.Т.*) перед Западом.

Газета «Правда» возглавляя кампанию борьбы с «безродными космополитами» определяла основные подходы в ее ведении для всей журналистики, формируя общий критический фон, необходимый для выработки политического единomyслия общества.

Но война велась и по линии очищения от космополитов редакционных коллективов. Например, она коснулась редакции такой, казалось бы, далекой от идеологии газеты, как «Советский спорт».

Весной 1949 г. секретарю ЦК ВКП(б), заместителю Председателя Совета министров СССР Г. Маленкову поступило письмо от работников ЦК партии Д. Шепилова и Л. Ильичева²¹. В нем сообщалось, что Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) неоднократно обращал внимание Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете министров СССР на засоренность кадров редакции газеты «Советский спорт» и предлагал принять неотложные меры по укреплению аппарата редакции. Однако Комитет не сделал серьезных выводов. В редакции газеты долгое время оставались «космополиты» Ясный, Блюменфельд, Гуревич, Шнейдер, Викторов.

В письме приводится любопытный факт, свидетельствующий об атмосфере доноительства, сложившейся в это время внутри журналистской среды. Отдел ЦК партии получил письмо от работников газеты «Комсомольская правда» (фамилии приводятся. — *Н.Т.*), сообщавших о длительном существовании в редакции «Советский спорт» нелегального спортивного тотализатора, за счет которого обогащался подпольный кружок, куда входили Виттенберг, Гинзбург, Ясный, Заславский, Блюменфельд, Тиновицкий, Ваньят и др. Эта якобы группа монополизировала освещение проблем физкультуры и спорта в печати, умышленно искажала сущность советского физкультурного движения, компрометировала лучших советских спортсменов и тренеров, помогала друг другу публиковать свои материалы в разных изданиях.

Отнесенный к этой группе, а в дальнейшем один из самых известных спортивных журналистов Ю. Ваньят позднее, в период «оттепели», на многочисленных встречах в Центральном доме журналистов, в ЦДРИ неоднократно касался этой истории и утверждал, что это был «антисемитский поклеп». В условиях сталинского режима такое было бы просто невозможно, учитывая за-

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Д. 264. Оп. 132. Цит. по: Летопись А. Вартамяна // Спорт-Экспресс. 2009. 29 мая.

централизованность, подконтрольность со стороны государства и тщательное отслеживание всех спортивных соревнований со стороны секретных органов.

«Эгоизмом, ограниченностью, самолюбованием, то есть всеми признаками, характерными для буржуазных спортсменов, — говорилось в письме об одном из «космополитов», — «награждает Викторов героев своих очерков — советских спортсменов...». «Викторов в своих очерках не упоминает ни о спортивных обществах, ни о комсомоле».

«Чиновники от пропаганды» одновременно докладывали в письме Маленкову о принятых мерах по очищению редакции «Советский спорт» от космополитов, а также «от работников, слабых в деловом и сомнительных в политическом отношении», таких, как Ясный и Заславский.

В докладной также предлагалось обязать Комитет по делам физической культуры и спорта в месячный срок укомплектовать «Советский спорт» «проверенными в политическом и деловом отношении людьми» и направить для укрепления редакции десять работников.

В этом письме и других подобных ему материалах кампании чаще всего преследовались люди с неблагополучным «пятым пунктом». На этом этапе этих людей унижали и оскорбляли, уничтожали морально как человеческую личность. Позже, во время «дела врачей», разгрома антифашистского еврейского комитета речь шла уже о физическом уничтожении.

Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятое в августе 1946 г., стало как бы точкой отсчета в осуществлении политической акции, направленной на ее начальном этапе на ужесточение идеологического режима, а завершившейся возвращением к методам тридцатых годов, карательным действиям против «врагов народа». В заголовках публикуемых статей вновь ключевыми становятся слова: «Разгромить!», «Разоблачить!», «Покончить!»

Разгромная кампания в «Правде» и других центральных изданиях, имитировавшая творческие дискуссии, проходившие под флагом борьбы с «космополитизмом» и «национализмом», имела масштабный и системный характер. Она затронула разные по типу газеты и журналы, национальную журналистику, детскую, учебную литературу, научные издания.

Был также нанесен удар по русской эмиграции, перед чьей журналистикой, зачастую довольно объективно отражавшей и комментирующей происходящее в Союзе, Сталин был бессилён.

Известно, что буквально накануне принятия постановления И. Бунин серьезно задумался о возвращении на Родину. Но «...появился доклад А.А. Жданова... Когда я это прочел, я понял, что

с Буниным дело кончено, что теперь он не поедет», — пишет К. Симонов. — Может быть, Бунина не столь уж взволнует то, что сказано о Зощенко... но все, что произошло с Ахматовой будет им воспринято как удар по себе. Если об наотрез отказавшейся уехать в эмиграцию Ахматовой говорят и пишут такое, то, что будут говорить о нем, проведенном столько лет в эмиграции...»²².

Сталинский режим, обманув надежды победителей, вновь жестко подавил моральный и интеллектуальный потенциал общества. Но ему не удалось уничтожить его окончательно: в нелегальных условиях аккумулировались мощные протестные силы, сразу проявившиеся с началом «оттепели».

К таким выводам приводит анализ материалов печати этого периода, отражающих курс на значительное усиление идеологического диктата высшего политического руководства страны во главе со Сталиным в сфере литературы и журналистики в первые послевоенные годы, ставшие периодом возрождения сталинщины тридцатых годов во многих ее проявлениях.

Список литературы

Громов Е. Сталин: власть и искусство. М., 1998.

Наше Отечество. Опыт политической истории / С. Кулешов, О. Волобуев. М., 1991.

Новейшая история отечества. XX век: В 2 т. Т. II // Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1999.

Сарнов Б. Сталин и писатели. Кн. 2. М., 2008.

Поступила в редакцию
14.01.2011

²² *Симонов К.* Истории тяжелая вода. М. 2005. С. 226